

минативным характером синтаксической единицы, а также видом и формой общения. У предложений в монологической речи превалирует информативная функция, в диалогической речи – квеситивная функция; у неноминативных репрезентантов на первый план выходит фатическая функция. Все это дает основание квалифицировать репрезентант предложения как особую синтаксическую единицу в аналитическом английском языке.

Примечания

- ¹ См.: *Прибыток И.* Базисные единицы конструктивного синтаксиса // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 1. С. 4.
- ² См.: *Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E.* Longman Grammar of Spoken and Written English. Harlow, 2000. P. 207.
- ³ См.: *Апресян Ю.* Трансформационный метод // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 519–520.
- ⁴ См.: *Сиротинина О.* Современная русская разговорная речь и ее особенности. М., 1974. С. 23.
- ⁵ См.: *Li Ch. N., Thompson S.* Subject and Topic : A New Typology of Language // Subject and Topic. N. Y., 1976. P. 459.
- ⁶ См.: *Прибыток И.* Грамматическая подсистема языка. Саратов, 2012. С. 78–79.
- ⁷ См.: *Яшина Е.* Репрезентанты английских предложений и клауз : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. С. 4–5.
- ⁸ Там же. С. 5.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ См.: *Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. М., 1967. С. 244 ; *Firbas J.* From Comparative Word Order Studies // Brno Studies in English. Praha, 1964. Vol. 4. P. 113 ; *Ковтунова И.* Русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976. С. 37.
- ¹¹ См.: *Матезиус В.* Основная функция порядка слов в чешском языке // Пражский лингвистический кружок. С. 253.

- ¹² См.: *Слюсарева Н.* Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981. С. 189.
- ¹³ См.: *Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения. С. 244.
- ¹⁴ См.: *Ившин В.* Синтаксис речи современного английского языка. Ростов-н/Д, 2002. С. 204–205.
- ¹⁵ См.: *Ковтунова И.* Указ. соч. С. 86.
- ¹⁶ См.: *Янко Т.* Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001. С. 23–25.
- ¹⁷ См.: *Яшина Е.* Указ. соч. С. 7–8.
- ¹⁸ Там же. С. 13.
- ¹⁹ См.: *Сотникова А.* Диалог и условия реализации в нем семантико-коммуникативной категории согласия / несогласия // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2 : История, языкознание, литературоведение. 1987. Вып. 4, № 23. С. 58.
- ²⁰ См.: *Malinowski B.* Phatic Communion // Communication in Face-to-Face Interaction. Harmondsworth, 1972. P. 151.
- ²¹ Подробнее о классификации фативов см.: *Прибыток И.* Сентенсоиды : Структура. Семантика. Прагматика. Сферы функционирования : дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1993. С. 153–181.
- ²² См.: *Ball W.* An Analysis of the Sentence Patterns of Conversational English // English Language Teaching. 1965. Vol. 20, № 1. P. 57 ; *Davies A.* Linguistics and the Teaching of Spoken English // Wilkinson A. Spoken English. Birmingham, 1966. P. 30.
- ²³ *Brown P., Levinson S.* Politeness : Some Universals in Language Usage. Cambridge, 1987. P. 112–114.
- ²⁴ См.: *Coulthard M.* An Introduction to Discourse Analysis. London, 1977. P. 28, 36.
- ²⁵ См.: *Duncan S.* Some Signals and Rules for Taking Speaking Turns in Conversation // Journal of Personality and Social Psychology. 1976. Vol. 23, № 2. P. 288.
- ²⁶ См.: *Crystal D., Davy D.* Investigating English Style. L., 1966. P. 112 ; *Стернин И., Ларина Т., Стернина М.* Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж, 2003. С. 70.
- ²⁷ См.: *Туранский И.* Семантическая категория интенсивности в английском языке. М., 1990. С. 25–28.
- ²⁸ Там же. С. 29.
- ²⁹ См.: *Шевченко О.* Именные сочетания – интенсификаторы качественного признака : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1978. С. 6.

УДК 811.161.1'23

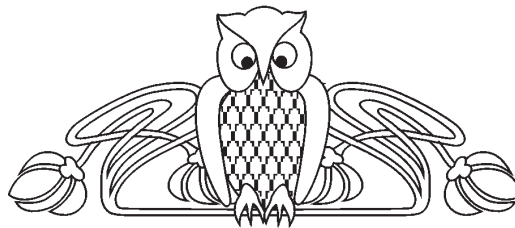
ОБЩЕНИЕ НЕЗНАКОМЫХ ЛЮДЕЙ

А. Н. Байкулова

Саратовский государственный университет
E-mail: allabay15@mail.ru

Статья посвящена исследованию общения незнакомых людей в парадигме устной неофициальной коммуникации.

Ключевые слова: неофициальная коммуникация, разговорная речь, незнакомые люди.

Communication of Strangers

A. N. Baikulova

The article is dedicated to the research of the interaction of strangers in the oral informal communication.

Key words: informal communication, colloquial speech, strangers.

Повседневное существование человека включает в себя общение в кругу семьи и друзей, на работе, а также многочисленные контакты с незнакомыми людьми. Лингвистическое представление о современном устном неофициальном общении (далее – НО) складывается в парадигму, в основе которой отчётливо проявляется ядерная зона, представленная семейным общением (СО), общением родственников (ОР), дружеским общением (ДО), и периферийная, включающая рабочее общение (РО), межличностное деловое общение, близкое к рабочему (МДО)¹, и другие возможные разновидности общения, ранее автором не изучавшиеся. Так, например, параметр коммуникации *среда* и коммуникативная категория *свой/чужой*, влияющая на характеристики среды, позволяют выделить в периферийной зоне НО ещё две разновидности общения: общение знакомых (ОЗ) и незнакомых людей (ОН). Данное исследование посвящено изучению ОН.

На наш взгляд, выделение и изучение общения незнакомых людей открывает новую и очень интересную грань в области лингвистических исследований, связанных с анализом коммуникативных процессов. Такое исследование актуально как для активно развивающегося в настоящее время речеведения, так и для социологии повседневности, теоретические основы которой заложены в трудах Э. Гуссерля, А. Шюца, М. Вебера, Ю. Хабермаса, П. Бергера и Т. Лукмана, Э. Гидденса, М. Маффесоли, М. де Серто и др. Вклад современной отечественной лингвистики, направленной на развитие междисциплинарных связей в исследовании повседневности, определяют работы Е. А. Земской, М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой, Л. П. Крысина, О. А. Лаптевой, О. Б. Сиротининой, К. Ф. Седова, И. А. Стернина, Н. И. Формановской, Т. В. Шмелёвой, В. В. Дементьева, Н. Л. Чулкиной и многих других.

ОН необычайно разнообразно, реализуется в разных формах речи – письменной (например интернет-коммуникация) и устной – и сопрягается с разными видами коммуникации – непосредственной и опосредованной, официальной и неофициальной, межличностной и групповой, вербальной и невербальной и т. д., представлено разными видами повседневных практик: покупка, поездка, посещение театра, визит к врачу, участие в митинге, шествии, народном гулянии и т. п. Интересными и перспективными можно считать синхронное и диахроническое направления в изучении ОН, его социальный аспект – возрастные, гендерные, профессиональные особенности. Поскольку общение незнакомых всегда сопряжено с риском коммуникативных неудач, большое значение имеет его изучение и с позиций культуры общения и речи.

Очерчивая круг возможных исследований в области ОН, мы понимаем, что охватить всё и сразу невозможно, поэтому в данной статье ограничимся рассмотрением того, что считаем

важным в самом начале изучения этой разновидности общения.

В статье используется материал, собранный автором и студентами его спецсеминара в 2011–2013 гг., включающий диктофонные и блокнотные записи повседневного общения незнакомых людей на улице, в магазине и на рынке, в транспорте, в поликлинике, на митинге и в других местах, а также богатый материал, представленный в сборниках текстов разговорной речи и монографиях².

Коммуниканты. Повседневное общение человека, особенно горожанина, наполнено многочисленными контактами с незнакомыми людьми. Например, житель большого города, съездив на работу, устанавливает контакты как минимум с 10 тыс. человек³. Незнакомые люди – это пассажиры в транспорте, покупатели в магазине, посетители музеев, театров, пациенты в поликлиниках, работники крупных предприятий, просто прохожие и т. д. Обратим внимание на то, что фактор *свой/чужой* прежде всего важен в разграничении своих и чужих. Относительность понятия *чужой* не позволяет использовать это слово в качестве термина, определяющего вид коммуникации. *Чужой*, по словарю В. В. Лопатина и Л. Е. Лопатиной, – не собственный, не свой, принадлежащий чужим; не родной, не из своей семьи, посторонний⁴. Например, человек, который пытается получить что-либо вне очереди, может восприниматься как чужой в противоположность стоящим в очереди. Как свои могут восприниматься и незнакомые друг другу студенты, объединённые в одну группу, по отношению к студентам другой группы. Речь может выделять человека как незнакомое и чужое или как незнакомое, но своего. Автор стал свидетелем того, как пассажир одного из саратовских маршрутных такси спросил у водителя, как ему доехать до ЭсХАИ. Однако ни водитель, ни другие пассажиры не смогли ответить на этот вопрос до тех пор, пока кто-то не догадался – *на СХИ* (принятая в Саратове аббревиатура на основе сложения звуков, а не букв, обозначающая район, где расположен сельскохозяйственный институт, ныне аграрный университет). Фактически одно слово позволило идентифицировать пассажира, задавшего вопрос, как чужого, вероятно, приезжего. Поэтому мы считаем, что в выделении ОН важен прежде всего фактор знакомства: *знакомый/незнакомый*, а не *свой/чужой* – и поэтому в термине, обозначающем исследуемый вид коммуникации, более уместно использовать слово *незнакомый* – неизвестный, не состоящий в знакомстве, хотя категория *свой/чужой*, конечно, тоже важна.

Место, время, сфера, регистр общения. Общение с незнакомыми людьми происходит в основном вне домашнего локуса, хотя возможны ситуации, когда ОН реализуется в пределах дома или квартиры (приход незнакомое врача, почтальона, то есть работников различных служб, и просто случайных людей): **Ж.** (житель дома в

ответ на сигнал домофона) *Кто-о? – П.* (почтальон). *Здравствуйте // Газеты по ящикам разнoшу // Откройте пожалуйста // – Ж.* открывает.

Местом постоянного, регулярного общения незнакомых людей можно считать пространство города. Не случайно социологи считают важной отличительной чертой города в сопоставлении с селом социальную дистанцию горожан, отсутствие или явную ограниченность личного знакомства. Кроме того, в больших городах увеличивается вероятность контактов с незнакомыми людьми, являющимися носителями разных этнических и речевых культур. Поэтому в исследовании ОН большую роль, очевидно, должно играть изучение городской повседневности во всей её сложности.

Особенности городской коммуникации исследовались зарубежными и отечественными учёными в рамках разных научных направлений. Отечественное лингвистическое изучение города связано с именами М. М. Бахтина, Б. А. Ларина, Л. В. Щербы, Л. П. Якубинского и др. Во многих современных работах анализу подвергается речь горожан в магазине, в транспорте, в других бытовых ситуациях⁵. Целостное и многоаспектное лингвистическое изучение городской повседневности на примере Москвы подробно представлено в работах М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой⁶. Эти работы считаем основополагающими и для изучения ОН. Главный принцип, которым руководствовались М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова в исследовании речевого быта и речевых практик современного города, – «принцип ситуативно-жанровой стратификации повседневной речи»⁷. Этот принцип важен и для изучения ОН, поскольку именно типичными ситуациями городского общения обусловлен характер использования языка, его закреплённых за разными ситуациями средств. Действительно, в зависимости от места коммуникации ОН проходит неодинаково. М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова соотнесли пространство города с жанровой реализацией целеориентированной и фатической коммуникации, когда в зависимости от места общения развивается особая тематика, а партнёры коммуникации исполняют свойственные ситуации роли. Фактически каждая запись устной коммуникации несёт информацию о той или иной повседневной практике, в которой эта запись осуществлялась. Сравните:

пример 1. *Вам какой? – Пятый //;*

пример 2. *Здесь сразу передают? – Угу // – Передайте... Будьте добры / передайте! – На Молóчке останoвите // – Трое вошли не оплатили // – Ой / А что билеты не дают? А то вы щас (сейчас) выйдете / и некому подтвердить // – Женщине здесь билет не передали!;*

пример 3. *Подсказать что-нибудь? – Да вот мне нужно что-нибудь для шестилетнего мальчика // – Ну вот можно машинки тут у нас // – Да это сейчас вроде бы всё есть // Хотелось бы что-нибудь развивающее // ... – То есть там от*

двух до шести // – А вот «Смекалочка» это что такое? – «Смекалочка»? Это от трёх до пяти она идёт //;

пример 4. *А почём у вас перец и помидоры? – Десять и десять // Есть бурые по пятнадцать // – А вы ещё будете (здесь)? А то я щас туда // – Буду // Приходите // – Угу //;*

пример 5. *Возьмите пожалуйста! ... Анализы примите!.. Есть кто-нибудь? Что нет никого? – А вы что тут стоите? Не зовёте? – Да я уже три раза кричала // – Вы что / мочу? – Мочу // – Давайте // – Спасибо //;*

пример 6. *Вы-се-лять! Вы-се-лять! Вы-се-лять! Вы-се-лять! (люди ритмично хлопают в ладоши, раздаётся свист) – Ну давай конкретно! Ты вчерашнего повторения хочешь шо ль (что ли)?; Выселять их надо и всё бл ... (мат) в 24 часа!*

Думается, каждый человек без труда отнесёт (даже без ремарок, которые обычно сопровождают тексты устной коммуникации) пример 1 к общению в лифте, 2 – в транспорте, 3 – в магазине, 4 – на рынке, 5 – в поликлинике, 6 – на митинге. Это показатель того, что в каждой из практик реализуется свойственный ей сценарий, где действия и речь, с одной стороны, автоматизируются, приобретаемая характер стереотипов, а с другой – выходят за рамки привычного, обыденного, отражая проявления «живого», творческого в рутине повседневности. В результате повседневное общение в транспорте, например, существенно отличается от общения в магазине, в поликлинике или на митинге, несмотря на возможность разновариантного речевого оформления этих ситуаций и наличия свойственных устному непосредственному общению черт: краткость, неполнота и т. д.

Рассматривая ОН в пространстве города, М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова выделяют «тематические доминанты: погода, работа городского транспорта, актуальные события городской жизни, актуальные политические события, городские сплетни и т. п.»⁸.

Например: в маршрутном такси пожилой мужчина (М.) обращается к женщине средних лет (Ж.): *М. Женщина / Это сорок пятый?* (о номере такси). – *Ж. Угу* (кивнула). – *М. А то я сел / все бежали / ну и я // А куда сел... (через некоторое время этой же женщине) Авария что ль? Там народу полно / а тут нет //* (женщина не отвечает). Если начало диалога сугубо связано с транспортом, то дальнейшее развитие коммуникации свидетельствует о выходе за транспортную тему.

Нередко в разговорах затрагивается личная тематика: *П.* (продавец) *У вас шапка как у меня // (разглядывает женщину – Ж., укладывающую покупки в сумку) А шарфик есть? – Ж. Есть // – П. А у меня такой же // А вы почём её (шапку) покупали? – Ж. Не знаю // Это мне мама подарила // – П. А-а.* Разговор с процессом купли/продажи не связан.

Время реализации ОН в хронотопе жизни современного человека чётко не определяется.

Если говорить о городской повседневности, то контакты с незнакомыми людьми возникают преимущественно в период выхода человека из дома в пространство города: для работающих это путь до места работы и назад, а для неработающих – любой выход за пределы домашнего локуса. Подчеркнём: это касается непосредственного устного ОН. Учитывая современные возможности, в частности интернет-коммуникацию, можно сказать, что многие люди постоянно вступают в ОН, находясь дома. На продолжительность контактов с незнакомыми людьми влияет характер коммуникации (информационная или фатическая направленность), место её реализации (например, дом / вне дома; в магазине / в поликлинике и т. п.) и другие факторы, то есть это могут быть мимолётные визуальные или тактильные контакты, кратковременный обмен репликами или затянувшаяся беседа. Ср.: в автобусе пассажир кондуктору: *Возьмите //*; на рынке покупатель (Ж.) продавцу (П.): *Ж. Здравствуйте //* – *П. Здравствуйте //* – *Ж. А скажите пожалуйста (пожалуйста) / какой поострее сегодня? – П. Вот этот все берут //* *Вкусный //* *Ж. Ну давайте //* *грамм 400 // А что за сыр? – П. «Российский» //* *Ж. «Российский»? – П. Да // «Российский» // Хороший сыр // Побольше можно? – Ж. Конечно //* – *П. На сто рублей //* – *Ж. Угу //* – *П. Пять рублей не будет? – Ж. Щас посмотрю // Вот пожалуйста //* – *П. Вот спасибо //* *Ваша сдача – пятьсот // шестьсот // семьсот //* – *Ж. Ага / спасибо //* – *П. Приходите //*.

Характеризуя сферу общения вне дома, повседневные ситуации, в которых оказываются люди, характер их отношений в этих ситуациях на основе фактора *официальность/неофициальность*, исследователи определяют их как официальные: «общение вне дома – это преимущественно сфера официальной коммуникации», которая осуществляется в соответствии с этикетными нормами и правилами ролевого поведения (обращения на *вы*, использование речевых клише в стереотипных ситуациях и др.)⁹.

По мнению авторов монографии «Русская разговорная речь. Тексты», отношения между продавцом и покупателем и сама обстановка в магазине являются в русской языковой среде официальными, хотя это весьма специфический вид официальности, где говорящие, между которыми нет отношения субординации, вступают в непосредственный контакт и строят свою речь без подготовки¹⁰. Действительно, если подходить к определению характера общения незнакомых на основе фактора *официальность/неофициальность* с конвенциональных позиций, то ОН, безусловно, должно быть официальным и этикетным, поскольку именно такое общение позволяет каждому человеку соблюдать социальные, этические, правовые, общекультурные конвенции, включая языковые, и таким образом ощущать самого себя и других людей полноправными членами общества. Однако человеческая среда гетерогенна,

неоднородность проявляется в существовании внутри неё различных культур. Если принимать во внимание только речевую культуру, то в сфере действия литературного языка выделяются *полнофункциональный, неполнофункциональный, среднелитературный* и *обиходный* типы речевой культуры, а за его пределами – *литературно-жаргонизирующий, просторечный, арготический, жаргонный* и *народно-речевой*¹¹.

Речь как инструмент языка несёт информацию о культуре каждого человека. Например, обиходный тип речевой культуры проявляют те, кто не привык к официальному общению, кто владеет только разговорной речью, привычной с детства¹². В результате в рамках одной и той же повседневной практики возникают разные способы выражения коммуникативных намерений говорящего и донесения смысла до адресата. Например, в городской коммуникации, в маршрутном такси, можно услышать разные варианты просьбы передать деньги за проезд: *Будьте добры / передайте пожалуйста //*; *Передай (те); Возьми (те); Слышь / братан / передай //*; *Дочка (женщине средних лет) / передай пожалуйста //*; *Женщина / передайте //*; (одна женщина просит другую передать деньги) *Вы ещё не передали? – Щас / щас моя хорошая //*; возможно просто постукивание впередисидящего пассажира по плечу т. п. Эти в большей или меньшей степени автоматизированные действия и сопровождающие их разные стереотипные речевые конструкции не являются свидетельством того, что в городском транспорте реализуется только официальное или только неофициальное общение: есть выбор, который осуществляет сам человек. Кроме того, нередко, начавшись в официальном регистре, коммуникация может переключиться на регистр неофициального общения и наоборот (конечно, гораздо реже). Бывает и так, что один из коммуникантов ведёт разговор в регистре официального общения, а другой – в регистре неофициального. В результате возникает общение смешанного типа, включающее признаки как официальной, так и неофициальной коммуникации¹³.

Возможность вариативного коммуникативного взаимодействия на основе параметра *официальность/неофициальность* заложена в языке, поскольку он отражает существование разных речевых культур. Разновариантные средства передачи информации в официальном или неофициальном регистре составляют парадигму коммуникативной категории *официальность/неофициальность*¹⁴.

Выбор регистра может быть обусловлен разными факторами, как экстралингвистическими (ситуация, место коммуникации, культурные коды, свойственные тому или иному периоду существования языка и т. д.), так и собственно лингвистическими (жанр коммуникации, принятые шаблоны речи и обращения и др.). Но всё-таки главную роль в этом процессе играет личность

говорящего: его социальные характеристики, общекультурный уровень, включающий показатели типа речевой культуры: коммуникативную компетентность, речевые навыки и предпочтения, коммуникативные намерения и даже настроение и состояние здоровья в момент речи. Не случайно многие исследователи повседневности, например, авторы учебника «Межличностная коммуникация: теория и жизнь» О. И. Матяш, В. М. Погольша, Н. В. Казаринова и др.¹⁵, большое внимание уделяют работам социолога И. Гофмана¹⁶, который применял к процессам повседневной коммуникации метафору театра, говоря о том, что все люди постоянно исполняют различные роли, стараясь произвести то или иное впечатление на окружающих, причём на переднем плане игра носит более официальный характер, на заднем – более раскованный, неофициальный (неформальный). Учитывая это, выдвигаем гипотезу: ОН может быть официальным, неофициальным и смешанным, поэтому можно условно расположить его в периферийной зоне НО. Такой подход позволяет в рамках данного исследования сузить область изучения ОН, и поэтому в данной статье мы обращаемся прежде всего к фактам **устного неофициального общения незнакомых людей**.

Поскольку наша статья носит характер первичного рассмотрения устного неофициального ОН, мы попытаемся обратить внимание на то, что кажется особенно важным, и объединить разрозненные сведения, выявив некоторую системность.

Обращаясь к социологическим исследованиям, в частности к работам И. Гофмана¹⁷, М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова в своём исследовании городской повседневности¹⁸ определяют норму коммуникативного поведения горожан, которые, находясь в одно время в одном месте, осознают факт присутствия других людей, но подсознательно следуют «правилу гражданского невнимания», иногда нарочитого (термин *гражданское невнимание* (*civil inattention*), принятый в социологии, принадлежит И. Гофману). Для нашего исследования представляется важным и членение коммуникативного взаимодействия на *н е ф о к у с и р о в а н н о е*, то есть «скользящее», ни на кого не направленное, и *ф о к у с и р о в а н н о е* – непосредственное общение с посторонними¹⁹. Официальный этикет предписывает следовать правилу гражданского невнимания, проявлять сдержанность в визуальных контактах с незнакомыми людьми: не принято, например, откровенно рассматривать постороннего человека, его внешность, одежду, особенности индивидуального поведения. Обратим внимание на то, что визуальные и тактильные контакты при нефокусированном взаимодействии тоже можно рассматривать в ключе официальности/неофициальности. Например, лёгкий удар по плечу как просьба передать деньги за проезд можно считать фактом неофициальной коммуникации, а жест – протянутая рука, сопровождающийся этикетной

просьбой передать деньги, – официальной. Неэтикетное проявление визуальных и тактильных контактов можно рассматривать как некультурное и в то же время как неофициальное. В качестве примера приведём личные наблюдения. Они были сделаны во время прогулки с внучкой двух лет, у которой в результате случайного падения появилась вокруг глаза яркая фиолетовая гематома. Она производила впечатление на многих людей, которые шли нам навстречу, но было отчётливо видно, что одни старались не замечать гематому, а внимание других задерживалось, визуальное фокусировалось на внешности ребёнка. Если навстречу шло несколько человек, то они переглядывались между собой. Женщины наблюдали с серьёзностью, некоторые останавливались и пытались выяснить, что случилось: *А... это моя самая лучшая покупательница* (женщина запомнила девочку, потому что работает кассиром в расположенном рядом магазине) / *Где эт* (это) *вы* (откуда синяк)? С одной из женщин беседа затянулась: проходящая выяснила, что произошло, откуда взялся синяк, и рассказала свою историю о том, как упал её собственный ребёнок и как его лечили. Проходящие мимо мужчины часто улыбались, некоторые пытались шутить: *Папа как хорошо воспитывает!*; *Что же вы ребёнка так разрисовали?* Дети тоже реагировали по-разному: одни старались открыто не проявлять своего интереса; другие пытались взглядом или жестом обратить внимание друзей на объект своего наблюдения, а особо любопытные спрашивали: *А она что / упала? А это у неё что / синяк?*

Эти наблюдения иллюстрируют возможность коммуникативного выбора в общении незнакомых людей. Это может быть как конвенционально принятая, нормативная, так и свободная коммуникация; фокусированная и нефокусированная, официальная, неофициальная и смешанная.

ОН может быть как случайным, неожиданным, спонтанным, непринуждённым, так и подготовленным. Подготовленность, с одной стороны, определяется сформированностью стандартного речевого поведения в часто повторяющихся обыденных ситуациях, закреплённостью за ними речевых шаблонов, с другой – целенаправленной деятельностью для получения необходимого речевого и внеречевого результата. В одной из наших записей отчётливо проявляется предварительная подготовка администратора фитнес-клуба (А.) перед разговором с новым клиентом (К.) – женщиной, для которой это общение было спонтанным, неподготовленным: (разговор сопровождался заполнением анкеты) А. *Ну тогда давайте поближе познакомимся* // – К. *Давайте* // – А. *Фамилия / имя / отчество* // – К. *Петрова Зинаида Ивановна* // – А. *Э-э Чем Вы занимаетесь?* *Профессия* // *Ну / примерно что-то* // – К. *Я учитель* // – А. *Замужем?* – К. *Замужем* // – А. *Сколько лет?* – К. *55 будет* // *Ну 54* // *Слава богу хоть вспомнила сколько мне лет* // (смех) // –

А. Поговорим чуть-чуть про ваш вес? **К.** Давайте поговорим // и т. д. Подготовленность речи администратора выражается прежде всего в том, что он постоянно инициирует развитие коммуникации, даже после заполнения анкеты, с помощью заученных вопросов: *Как вы думаете? Вернее / вы страдаете избыточным весом?; Знаете какой ваш вес сейчас?; Скажите / Зинаида / это ваш наибольший вес / или было время / когда у вас было больше?* Клиентка в этой ситуации исполняет роль введомой и вынуждена отвечать на вопросы, которые характерны прежде всего для письменной коммуникации, а в устной кажутся искусственными. Приведенный пример иллюстрирует и ситуативный речевой жанр, свойственный общению незнакомых людей, – *знакомство*.

Нередко коммуниканты имеют пресуппозицию, в основе которой фоновый опыт общения, психологические стереотипы, предыстории, знания о статусно-ролевых отношениях и т. п. Например, если прохожему необходимо узнать, где находится Пенсионный фонд, то, скорее всего, в качестве информанта им будет выбран пожилой человек, если же интересует расположение корпуса университета – то предпочтение будет отдано молодому человеку. Поход к врачу, в магазин, на приём к чиновнику также осуществляется на основе пресуппозиции в виде фоновых знаний или «образа прошлого»²⁰.

Примеры показывают, что ОН, по классификации, представленной в работе И. А. Стернина²¹, с одной стороны, инициативное, поскольку для передачи сообщения нужна инициатива со стороны одного из говорящих, а с другой стороны – принудительное, или вынужденное. Материалы показывают, что адресат не всегда охотно отвечает адресанту, иногда даже игнорирует обращённые к нему реплики (наглядно это проявляется в реакции на обращения промоутеров, особенно когда их много в одном месте) или вступает только в невербализованный контакт. Таких примеров в нашем материале много:

промоутер: *Возьмите* – женщина молча берёт рекламную продукцию;

в автобусе: (женщина обращается к пассажирам) *Это сорок пятый?* (никто не отвечает) *Это сорок пятый?* (никто не отвечает) *Господи / трудно ответить что ль?!*

водитель маршрутного такси пассажирам: *На Московской выходят?* (никто не отвечает) и т. п.

кондуктор пассажирам в наушниках (примеры Д. И. Яхиной): *Что там? Проезд (громче) Проезд! Что за проезд? Напялят как Буратины / ноль внимания...; Девушка / девушка / нет / ну вообще / как зомби // Проезд! Я чё / орать теперь должна на весь троллейбус?*²².

В конфликтных ситуациях можно услышать открытые заявления о нежелании общаться и даже декларативные запреты на вступление в коммуникацию: *Я не с вами разговариваю //; А вы стойте и молчите // С вами не разговаривают*

//; Женщина / помолчали бы!; Вас-то я не спрашиваю; Женщина / уймись наконец // Хватит твякать и т. п.

Нередко ОН осуществляется как безличностное²³, или безразличное, равнодушное, взаимодействие, то есть при полном безразличии партнёров коммуникации друг к другу и окружающим: граждане намеренно «надевают маски безразличия», делают вид, что ничего не замечают даже в ситуациях, предполагающих фокусированную коммуникацию. Например, просьба передать деньги на билет в маршрутном такси нередко осуществляется без визуального контакта: инициатор общения просто протягивает руку с деньгами и просит передать их водителю. Откликнуться на просьбу могут сразу несколько человек, а может не откликнуться никто. Из наших материалов: (в маршрутном такси женщина (**Ж.**) протягивает деньги с просьбой передать их водителю): **Ж.** *Девушка / возьмите // Передайте!* (девушка не реагирует) *Ну что это такое? Трудно передать?* – **М.** (мужчина-пассажир с иронией) *Рука болит //*. Проявление дисконfirmации как игнорирования, умаления, неприятия человека²⁴ в какой-то мере объясняется этикетными ограничениями на контакт с незнакомыми людьми. Кроме того, обращает на себя внимание разное ролевое поведение адресата и адресанта в ОН: возможность проявления коммуникативного неравенства. Адресант ОН в русской коммуникативной культуре нередко более активен, чем адресат. Ему приписывается регулятивность и допустимость вмешательства в личную сферу адресата. По мнению И. А. Стернина, в традиции русского общения предупреждать незнакомых о неприятностях, о непорядке в одежде, о возможных материальных потерях; принято указывать, где лучше встать, куда лучше сесть в транспорте, куда поставить сумки и т. д.²⁵. А со стороны адресата, как показывает материал нашего исследования, часто наблюдается коммуникативная пассивность, нежелание продолжать коммуникацию. Даже предложение помощи может вызывать протест. В следующем примере пьяный мужчина (**М.**), лежащий на проезжей части дороги, игнорирует помощь со стороны проявившей неравнодушие девушки (**Д.**): **Д.** *Сударь / вставайте* (пытается поднять мужчину) *// Вставайте, холодно // С вами всё в порядке? Да вставайте же! Я сейчас скорую вызову!* – **М.** *Не надо! О-отстань!* – **Д.** *Вставайте! Вы простудитесь!* – **М.** *А тебе чё надо? Хошь (хочешь) денег?* – **Д.** *Мне не надо денег // Мне надо / чтоб вы встали //* – **М.** *Зачем? Чё те надо? Чё / серьёзно / деньги нужны?* – **Д.** *Поздно уже // Вы простудитесь или замёрзнете насмерть!* – **М.** *Н-не замёрзну! Те (тебе) какое дело?* (из записей студентки спецсеминара автора работы). Пример показывает, что участие незнакомца воспринимается негативно, расценивается как неискреннее, корыстное.

Отказ от общения с незнакомым человеком, от предложенной с его стороны помощи зачастую вызван серьёзными опасениями, связанными с возможностью криминальных последствий.

Вместе с тем в ОН возникают эпизоды личностного характера, в результате которых между людьми завязываются разнообразные по характеру отношения, будь то любовь или ненависть.

По мнению психологов и социологов²⁶, соотношение личностного и безличностного составляет естественную динамику жизни: безличностное так же необходимо, как личностное, и каждый человек решает сам, когда ему проявить большую степень вовлеченности в коммуникацию. Во многом это связано с коммуникативной компетентностью и жизненным опытом говорящих.

Важным результатом ОН, определяющим границы этой разновидности общения, является фактор произведённого впечатления. По мнению И. А. Стернина²⁷, 90% впечатления о человеке формируется в первые 90 секунд общения с ним. Если хотя бы один из коммуникантов запомнил другого, то при последующих актах коммуникации велика возможность резкого перехода на другой вид общения – общение знакомых. Можно говорить, что ОН имеет тенденцию перехода в ОЗ, а ОЗ в свою очередь – в ДО.

Доминантой ОН, на наш взгляд, является коммуникативное взаимодействие в условиях ограниченных знаний о коммуниканте, а иногда только стереотипных представлений, и минимальной апперцепционной базы или полного её отсутствия. Это создаёт определённые риски в процессе общения. Поэтому изучение ОН имеет важное значение в плане формирования культуры бытового общения и в лингвокультурологическом аспекте.

Важно отметить, что на ОН действуют общественные запреты, связанные с соблюдением безопасности. Так, СМИ, учреждения образования вынуждены осуществлять меры по предотвращению таких явлений, как угроза терроризма, педофилия, мошенничество и т. п. Одна из таких мер – запрет на общение с незнакомыми людьми, причём особенно часто он адресуется детям и пожилым людям, которым свойственна особая доверчивость. Кроме того, традиционно не одобряются знакомства людей в транспорте, на улице с целью развития серьёзных межличностных отношений. Существует мнение, что осторожность в общении незнакомых, боязнь такого общения – следствие раннего периода развития человечества, поскольку в большинстве примитивных обществ незнакомые люди считаются частью животного мира и понятие *посторонний* в этих обществах идентифицируется с понятием *враг*²⁸. Думается, в настоящее время эти отголоски прошлого поддержаны широким распространением криминальных ситуаций. Несмотря на это, общение с незнакомы-

ми является для многих людей желательным, так как отражает их запросы, связанные с бизнесом, расширением круга знакомств, желанием создать семью или приобрести друзей, а иногда вынужденным (необходимость в помощи или получении информации).

ОН имеет национальную специфику. Так, россияне по сравнению с европейцами, по мнению культурологов, социологов, социолингвистов²⁹, проявляют большую общительность, открытость и контактность (допустимость прикосновений) в общении с незнакомыми. В разных этнокультурах наблюдаются различия в дистанции общения: в западной культуре она составляет приблизительно 90 см, тогда как в восточной – приблизительно 25. Отмечаются и такие особенности общения незнакомых, как регулятивность – возможность предъявлять претензии, делать замечания, предупреждать об опасности и т. п. Например: в маршруте такси женщина обращается к вошедшим пассажирам: *Проход'ут / а билет не берут // Возьмите / а потом проходите* // (никто из вошедших не реагирует) или (один пассажир другому) *Не отвлекайте водителя*. Примеры из материалов М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой и Д. И. Яхиной: (продавщица торгует свежими шампиньонами) *М. (мужчина средних лет) Сколько стоит? – П. Девять десять // М. (возмущенно) Девять десять? – П. Да / девять десять // – М. Пускай Михаил Сергееч теперь ест // Шоб заворот кишок у него случился // П. Вот вы ему позвоните / и скажите // – Ж (женщина из очереди) Да да / скажите это ему //³⁰; (разговор между пассажирами в автобусе) *А. Разрешите пройти // – Б. Девушка / осторожней / как танкер / колготки порвёте // – В. (с улыбкой) Ничего // Новые купите // И вообще / в такую погоду надо в брюках ходить //³¹.**

В сопоставлении культур обнаруживается низкий уровень вежливости россиян в общении с незнакомыми, в том числе всё ещё недостаточно высокий уровень вежливости обслуживающего персонала:

кондуктор пассажирам: Место освободилось / сесть нельзя что ли? Все пр [ы] нцы и принцессы / специальное приглашение надо;

кондуктор К. и пассажир П.: П. Не скажете где мне выйти? Мне областная нужна // – К. (грубо) Не знаю // Нашли тут справочное бюро // Садятся и не знают куда //³².

В исследовании ОН, как нам кажется, нельзя оставить без внимания и саму ситуацию знакомства. Она нередко представлена в нарративных высказываниях и имеет особую значимость в коммуникации. Из разговора в гостинице (фрагмент ОЗ, где А. – научный работник, математик беседует со знакомыми-гуманитариями): *А. Я сижу роюсь в книжном магазине / под прилавком / и вдруг слышу спрашивает голос молодой / а есть ли у вас письма лейтенанта Шмидта? А я этого*

Шмидта (нрзбр) / а письма у меня были // Я так вылезая и спрашиваю / а (нрзбр) кому говорю нужны письма? Говорит / мне // Я говорю / а зачем? Ну как зачем говорит / я буду играть // Ну мы тут закрутились / я говорю пойдём // (нрзбр) я говорю я вам (от?) дам эти письма // Он говорит / правда? Я говорю / конечно правда // Ну там мы и (закрутились?) задружились // А хороший он / славный человек // Вот //³³;

(из разговора двух женщин, А. и З., о том, как произошло знакомство А. с её подругой) Представляешь сидим мы в больнице // ждём врача // А я смотрю / у неё на бумажке (в направлении на госпитализацию) написано Алла // Я говорю а я тоже Алла // А она мне говорит // а я даже знаю / кто вы по гороскопу // Я говорю кто? Она говорит / Скорпион // Представляешь? Она оказывается тоже Скорпион! З. Ничего себе! А. И вот сидим // Я говорю вообще мне бы сейчас врача хорошего // А она говорит / я врач // Потом разговорились / А она говорит / а мне бы учителя хорошего // Дочка поступать будет // А куда? Да на филфак // Так я, говорю, филолог //

В данных фрагментах представлены рассказы, которые отражают отношение говорящих к свершившимся фактам знакомства. Оба события приобретают судьбоносное значение, им приписывается особая, мистическая, значимость вследствие удивительных совпадений, причём именно этими совпадениями обусловлено коммуникативное равенство адресанта и адресата. Думается, анализ таких высказываний был бы интересен с точки зрения лингвокультурологии.

Особого внимания заслуживает и исследование презентаций и самопрезентаций в ситуациях знакомства. Здесь, как нам кажется, отчётливо проявляется тенденция повышения регистра общения³⁴: если в конце XX в. молодые люди представлялись Саша, Наташа, Катя, то в начале XXI-го у молодежи широко распространено представление по паспортному имени без отчества (даже если полное имя длинное): клиентка – девушке-парикмахеру: А как Вас зовут? – (парикмахер) Екатерина; фитнес-тренер – клиентке: Здравствуйте / меня зовут Анастасия // Вы не хотели бы поподробнее узнать о нашем клубе? Такое представление увеличивает дистанцию между коммуникантами, в какой-то мере подчёркивает социальную значимость личности как таковой, что, по всей вероятности, является приметой времени.

Изучение ОН перспективно, поскольку исследователи (в частности М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова) отмечают современную тенденцию активизации контактов между незнакомыми людьми, вызванную развитием уличной торговли, организацией различных праздничных мероприятий, растущей социально-политической активностью населения и т. п., усиление личностного характера контактов и игровой составляющей коммуникации.

Примечания

- 1 О разновидностях устного неофициального общения см.: Байкулова А. Неофициальное общение и его разновидности : критерии выделения и реальное функционирование. Саратов, 2012.
- 2 См.: Русская разговорная речь. Тексты / отв. ред. Е. Л. Земская, Л. А. Каланадзе. М., 1978 ; Живая речь уральского города. Тексты. Екатеринбург, 1994 ; Винокур Т. Говорящий и слушающий : Варианты речевого поведения. М., 2007 ; Земская Е. Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи : сб. науч. тр. М., 1988. С. 5–44 ; Китайгородская М., Розанова Н. Языковое существование современного горожанина. М., 2010 ; Рисинзон С. Общее и этнокультурное в русском и английском этикете. Саратов, 2010 ; Ратмайр Р. Русская речь и рынок : Традиции и инновации в деловом и повседневном общении. М., 2013.
- 3 См.: Стернин И. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.
- 4 См.: Лопатин В., Лопатина Л. Русский толковый словарь. М., 2006.
- 5 См.: Бобарыкина Н. «Ежели Вы вежливы», вы не современны? О конфликтных ситуациях в транспорте // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2008. Вып. 8. С. 209–215 ; Захарова Е. Типичные нарушения коммуникативной нормы в повседневном общении // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2010. Вып. 10. С. 58–65 ; Земская Е. Городская устная речь и задачи ее изучения. С. 5–44 ; Китайгородская М., Розанова Н. Речь москвичей : Коммуникативно-культурологический аспект. 2-е изд. С. 251–350. М., 2005 ; Они же. Современное городское общение: типы коммуникативных ситуаций и их жанровая реализация (на примере Москвы) // Современный русский язык : Социальная и функциональная дифференциация / под ред. Л. П. Крысина. М., 2003. С. 103–120 ; Они же. Ситуация в очереди в современном городском общении – «ушедшая натура»? // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2008. Вып. 8. С. 164–171 ; Они же. Современная городская коммуникация : тенденции развития (на материале языка Москвы) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / под ред. А. Ю. Кожевникова. М., 1996. С. 345–383 ; Красильникова Е. Язык города как лингвистическая проблема // Живая речь уральского города : сб. науч. тр. Свердловск, 1988 ; Милёхина Т. Коммуникативная компетенция продавца и «эффективность продаж» в русском торговом дискурсе // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2011. Вып. 11. С. 19–28 ; Рисинзон С. Этикетная составляющая общения в городском транспорте (общение в маршрутном такси, на рынке и в магазине) // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2008. Вып. 8. С. 191–202 ; Она же. Общее и этнокультурное в русском и английском этикете. Саратов, 2010 ; Сиротинина О. Сфера повседневного общения // Хорошая речь. Саратов, 2001. С. 103–107 ; Она же. Языковой облик г. Сарато-

- ва // Разновидности городской устной речи. сб. науч. тр. М., 1988. С. 247–253; Харченко В. К. Современная повседневная речь. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010.; Шкатова Л. Специфика городского общения // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996. С. 19–28; и др.
- ⁶ См.: Китайгородская М., Розанова Н. Речь москвичей... С. 251–350; Они же. Современное городское общение: типы коммуникативных ситуаций и их жанровая реализация (на примере Москвы). С. 103–120; Они же. Языковое существование современного горожанина. М., 2010.
- ⁷ Китайгородская М., Розанова Н. Языковое существование современного горожанина. С. 4.
- ⁸ Там же. С. 183.
- ⁹ См.: Китайгородская М., Розанова Н. Речь москвичей... С. 25.
- ¹⁰ См.: Русская разговорная речь. Тексты. С. 270.
- ¹¹ О типах речевой культуры см.: Чтобы Вас понимали: Культура русской речи и речевая культура человека: учеб. пособие / под ред. О. Б. Сиротининой. М., 2009.
- ¹² Там же. С. 126.
- ¹³ О понятии *общение смешанного типа* см.: Байкулова А. Указ. соч.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ См.: Матьяш О. И., В. М. Погольша, Н. В. Казаринова, С. Биби, Ж. В. Зарицкая. Межличностная коммуникация: теория и жизнь / под науч. ред. О. И. Матьяш. СПб., 2011.
- ¹⁶ См.: Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни: пер. с англ. М., 2000.
- ¹⁷ См.: Goffman E. Interaction Ritual: Essays in Face-to-Face Behavior. N. Y., 1967.
- ¹⁸ См.: Китайгородская М., Розанова Н. Языковое существование современного горожанина. М., 2010.
- ¹⁹ О фокусированном и нефокусированном взаимодействии см.: Goffman E. Op. cit.; Китайгородская М., Розанова Н. Языковое существование современного горожанина. С. 22.
- ²⁰ Об «образе прошлого» см.: Шмельёва Т. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов, 1997. Вып. 1. С. 88–99.
- ²¹ См.: Стернин И. Указ. соч.
- ²² См. Яхина Д. Образные средства как способы преодоления конфликта в сфере обиходно-бытового общения // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2012. Вып. 12. С. 58–64.
- ²³ О понятиях *личностное* и *безличностное* см.: Матьяш О. И., В. М. Погольша, Н. В. Казаринова, С. Биби, Ж. В. Зарицкая. Межличностная коммуникация: теория и жизнь. С. 92.
- ²⁴ О понятии *дисконфирмация* см.: Там же. С. 253–258.
- ²⁵ См.: Стернин И. Указ. соч. С. 223.
- ²⁶ См.: Матьяш О. И., В. М. Погольша, Н. В. Казаринова, С. Биби, Ж. В. Зарицкая. Межличностная коммуникация: теория и жизнь. С. 99.
- ²⁷ См.: Стернин И. Указ. соч. С. 36.
- ²⁸ См.: Фролов С. С. Социология: учебник для высших учебных заведений. М., 1994. URL: <http://sferaznaniy.ru/sociologiya/sociologiya-frolov-s-s/2013/07/18> (дата обращения: 07.18.2013).
- ²⁹ См., например: Стернин И. Указ. соч.
- ³⁰ Китайгородская М., Розанова Н. Языковое существование современного горожанина. С. 443.
- ³¹ Пример см.: Яхина Д. Указ. соч. С. 58–64.
- ³² Там же.
- ³³ Пример см.: Русская разговорная речь. Тексты. С. 118–119.
- ³⁴ О регистрах общения см.: Карасик В. И. Языковая матрица культуры. М., 2013.